

Солдатами не рождаются

Книга 2
Часть 1

Из собрания сочинений

Живые и мёртвые. Книга 1

Живые и мёртвые. Книга 2.

Солдатами не рождаются

Живые и мёртвые. Книга 3.

Последнее лето

Двадцать дней без войны

Товарищи по оружию

Дни и ночи

Дым отечества

Константин Симонов

Из собрания сочинений

СОЛДАТАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Книга 2. Часть 1

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
СЗ7

Симонов, К.

СЗ7 Живые и мёртвые. Книга 2. Часть 1. Солдатами не рождаются / К. Симонов. – М. : T8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 496 с.

ISBN 978-5-885-36514-7

События второй книги трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые» разворачиваются зимой 1943 года — в период подготовки и проведения Сталинградской битвы, ставшей переломным моментом в истории не только Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-885-36514-7

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. К.М. Симонов,
наследники, 2018

1

Командиры полков разъезжались после встречи Нового года у командира дивизии. Последним уехал командир 332-го, майор Барабанов. Серпилин молча, со значением пожал ему руку: «Знаю, что еще добавишь, но много не добавляй. Понял меня, Барабанов?»

Хоть и подмывало сказать это вслух, удержался. Все же — командир полка. Если дать привыкнуть человеку к тому, что не надеешься на его совесть, может потерять и ту, что осталась.

Принимали гостей в землянке у начальника штаба, полковника Пикина, — самой просторной из всех и даже с присланным женою ковром над койкой. Провожая, оделись и вышли на воздух втроем — с Пикиным и замполитом, полковым комиссаром Бережным.

— Двадцать три ровно, — сказал Пикин, заворотив рукав полушубка и посветив фонариком на часы. — Первый этап встречи завершили по плану, не задержали. К бою курантов будут у себя на местах и поднимут — кто на что способен!

— Хотелось бы, чтобы некоторые были способны на меньшее, — сказал Серпилин. — Беспокоюсь за Барабанова...

— Ничего, Левашов его удержит, — сказал Бережной.

— Как же, удержит твой Левашов!

— А что, характер на характер...

Серпилин не ответил: не хотелось ни спорить, ни говорить. Хотелось молча постоять под высоким мороз-

ным небом, почувствовать его высоту и торжественность.

Стояла тишина, еле слышно шуршала поземка. Волга была невидима отсюда, она лежала во льдах, далеко-далеко, за левым флангом фронта, но Серпилин все равно незримо чувствовал ее сейчас — и ее холод, и ее ширину, за которой тянулись безбрежные снега Заволжья, и в них — переметенные, просвистанные ветрами снежные дороги и тонкая, как брошенный в снега черный волосок, одноколесная ветка от Красного Кута на Эльтон — глубокие тылы, госпитали, госпитали...

Впереди был Сталинград, так и не взятый до конца немцами, а теперь уже шесть недель окруженный нами. Там, в ледяной ловушке, заняв круговую оборону по всему огромному кольцу в двести километров, сидели немцы — двадцать две дивизии, — сидели и ждали! Серпилин хорошо представлял себе, чего могут ждать люди в окружении, — ждали и нашего штурма, и выручки, и приказа пробиться, и чуда, и гибели — всего вместе.

А мы после ноябрьских и декабрьских боев уже третью неделю все не штурмовали и не штурмовали — готовились. И сегодня, этой новогодней ночью, здесь, северо-западной Сталинграда, война только чуть слышно шевелилась. На переднем крае разорвалась одиночная мина, стукнула пулеметная очередь, потом еле слышно, как далекий вздох, донесся отзвук сильного взрыва там, внутри кольца у немцев, и снова все затихло.

Всю войну, во всей ее огромности, нельзя было даже вообразить себе до конца. Но Серпилин, слушая тишину здесь, где в ожидании наступления стояла его дивизия, хорошо представлял себе, что такое эта сегодняшняя ночь там, где теперь идет главная война, — на юге, в голых степях на полдороге к Ростову, или на юго-западе, тоже в степях, под Тацинской, или на Воронежском фронте, режущем сейчас немецкие тылы за триста километров отсюда, у Черткова и Миллерова.

Там война пахла бензином и копотью, горелым железом и порохом; она скрежетала гусеницами, строчила из пулеметов и падала в снег, и снова поднималась под огнем на локтях и коленях, и с хриплым «ура», с матерщиной, с шепотом «мама», проваливаясь в снегу, шла и бежала вперед, оставляя позади себя пятна полушубков и шинелей на дымном, растоптанном снегу.

Там, где сегодня происходило самое главное, для людей вообще не существовало никакой новогодней ночи: они просто не помнили о ней.

Серпилин был военным человеком и знал, что на войне не бегают с места на место, ища, где пожарче: на войне ждут своего часа. Он не мог сейчас оказаться со своей дивизией там, в самом центре сотрясавшего равнины южной России землетрясения, но хотя его ум был неподатлив к таким мыслям, сердце чувствовало доносившиеся оттуда торжественные и страшные толчки. И это прозвучало в его голосе, когда он после долгого молчания сказал:

— Да, у нас пока тишина...

— В такую ночь и нам бы не молчать, а воевать! — сказал Бережной.

— Ну что ж, сходи на передний край, постреляй из пулемета! По крайней мере, будет что в политдонесении писать: активные боевые действия, воюем, не молчим, не теряем боевого духа... — насмешливо ответил Серпилин.

Слова Бережного задела его. Водится же еще за людьми эта глупая привычка прийти на передний край и, если там как раз в эту минуту тихо, непременно открыть огонь, вызвав ответный, как будто солдатам мало того, что и так достается на их долю. Бережной это «поднять активность» называет, а на самом деле — просто мальчишество. И вдобавок, не по возрасту: скоро сорок стукнет! До каких пор можно радоваться, что ты храбрый, и доказывать это с риском для своей и для чужой жизни!

— Да разве я об этом, Федор Федорович? — Бережной готов был вспылить, но сдержался.

— А о чем же, Матвей Ильич?

— Я вообще сказал...

— Что значит «вообще»? В наступление, что ли, предлагаешь перейти нынче ночью? Как, поставим армию в известность или сами начнем, пусть присоединяются?

— А чего ты ко мне прицепился, Федор Федорович, ради праздника, что ли?

— огрызнулся Бережной.

— А того я к тебе прицепился, друг ты мой дорогой, что я вчера на совещании у командующего уже

слышал эту блестящую мысль, чтобы сегодня ночью пошуметь, немцам Новый год испортить. А заодно — и себе. Слышал и возражал. Высказал точку зрения, что, если всерьез воспользоваться новогодней ночью для наступления, — это резон. А если просто пошуметь, так надо и себя и солдат пожалеть, не портить им такой ночи. Немцы, кстати, не столько Новый год, сколько рождество празднуют. В сочельник надо было шуметь. Спасибо, член Военного совета поддержал. Только сверху отбилсь, а ты уже снизу жмешь.

Серпилин с невидимой в темноте улыбкой обнял Бережного и дружески похлопал его по плечу.

— Не обижайся ради праздника, а то весь год ссориться будем! Еще поглядим, всюду ли тишину соблюдают. Командующий оставил это на усмотрение командиров дивизий.

— Соседи пока молчат, — сказал Пикин.

— Они и там, у Батюка, оба молчали, — сказал Серпилин. — Только потом, когда я возразил, а Захаров меня поддержал, по лицам понял, что и они за тишину.

— Батюка своими возражениями расстраивать не хотели, — съязвил Пикин.

— А я, думаешь, хотел? — сказал Серпилин. — Все люди — человеки, сидел да ждал, может, кто другой первым встанет.

— Уже двадцать три десять, — сказал Пикин, снова посветив фонариком на часы.

— Вижу, ты совсем бога не боишься, скоро с фарами ездить начнешь...

— А, не до этого им теперь! — Пикин махнул рукой в сторону немцев. — Вернемся? А то пробирает...

— Ко мне в землянку милости прошу, — сказал Серпилин. — Куранты послушаем, чайку попьем...

— Идите, я сейчас тоже приду, — сказал Пикин, — только захвачу одну вещь.

Он повернулся и пошел к своей землянке, а Серпилин и Бережной зашли в землянку Серпилина.

— Птицын, чайку нам сообразите, — сказал Серпилин своему ординарцу, проходя вместе с Бережным через переднее отделение землянки, которое он называл «предбанником».

В «предбаннике» стоял топчан Птицына, завешенный плащ-палаткой, и была сложена самодельная печка, зеркалом выходившая в другую, главную часть землянки.

— Что, в самом деле чай пить будем? — спросил Бережной, когда они сели за стол.

— В самом деле. Разве что Пикин мой план нарушит. Не обиделся, что покритиковал тебя при нем?

— При нем, не при нем, какая разница? Мы с Пикиным столько раз друг друга во всех видах видели, что какие уж секреты!

— Это, положим, верно, — сказал Серпилин.

А про себя подумал, что не задал бы такого вопроса — обиделся или не обиделся Бережной, если бы не та перемена в положении Бережного, что произошла недавно: был комиссаром дивизии, а стал, после приказа о единоначалии, замполитом. Приказ этот, по глубокому убеждению Серпилина, был совершен-